С. М. ШАМИН

СЛОВО «КУРАНТЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII — НАЧАЛА XVIII в. [1]

История изучения «курантов» насчитывает уже около двухсот лет. Практически все это время продолжается острая дискуссия о характере данного источника. Ее ход подробно освещен в работе [Кобзарева 1988: 92—99]. В настоящее время в научных исследованиях сохраняется значительное число противоречащих друг другу определений термина «куранты». Их называют «рукописной газетой» [БСЭ 1973; Ольшевская, Травников 2000; Кудаков 2002: 3 и др.], «своеобразными рукописными газетами, которые являются первым звеном в зарождении русской периодической печати» [Хаустова 1956: 51], «служебными записками Посольского приказа государю и правительству» [Сапунов 1976: 204], «правительственным дипломатическим изданием» [ИРЖ 2003: 10], «конспективные (точнее — выборочные) переводы иностранных известий» [Кудрявцев 1963: 209] и др.

Таким образом, до настоящего момента в науке не существует устоявшегося представления о том, что же такое «куранты». По нашему мнению, решить эту проблему нельзя, не установив, как данное слово использовалось в XVII—XVIII вв., когда оно активно функционировало в русском языке.

Впервые этот вопрос попыталась решить И. С. Хаустова [Хаустова 1956: 51—55]. Она обратилась к нему в связи с тем, что «в работах историка С. Я. Марлинского рукописные газеты XVII в. не назывались, как в предшествующей литературе по истории русской журналистики, „курантами“, а вместо этого употреблялись названия „Рукописные ведомости“ или просто „Ведомости“». С. Я. Марлинский считал, что «распространенный в дворянской историографии термин „куранты“ мы вправе заменить русским названием рукописных известий „Ведомости“» на основании того, что этот термин часто встречается в источниках[2].

---

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант 05-01-01164 а.

[2] В качестве заглавия слово *ведомости* сколько-нибудь регулярно встречается только на переводах с курантов, которые использовались как рукописный оригинал для печатных «Ведомостей» XVIII в. и в описи конца XVIII — начала XIX в. Распространять этот термин на все рассматриваемые документы некорректно.

Русский язык в научном освещении. № 1 (13). 2007. С. 119—152.

Предложение Марлинского было конъюнктурной спекуляцией. Его исследования проводились в самом конце 1940-х гг. в обстановке борьбы с низкопоклонством перед Западом. Защита национальных приоритетов «усиливала» актуальность исследования. Заявления одесского историка заставили И. С. Хаустову попытаться выяснить, как на самом деле слово *куранты* использовалось в русском языке. Исследовательница убедительно показала, что оно употреблялось во 2-й половине XVII и в начале XVIII в., когда в России уже существовала не рукописная, а печатная газета. Отметила она и многозначность слова *куранты*.

По мнению Хаустовой, курантами называли, во-первых, заграничные газеты, письменные и печатные, или сами зарубежные известия и сообщения. Например: «В курантах почтовых печатных польских и немецких напечатано и наш резидент из Варшавы в Москву пишет…»; «Да он же (В. Шиллинг) переводит по присылке в Розряд и в Военном приказе свейские письма, да он же переводит куранты, потому что, кроме него, в Посольском приказе свейского языка переводчика нет»; «Перевод с писменных и печатных курантов, каковы присланы чрез виленскую почту нынешняго (1702) декабря в 24».

Во-вторых, в начале XVIII в. курантами назывались и русские переводы из иностранных газет, входившие в отдел заграничной информации в печатных «Ведомостях» Петровского времени. Например, к переводу заграничных известий для № 7 «Ведомостей» за 1703 г. приписано: «Сей курант прислан из Посольского приказу, а на печатном дворе те статьи выписаны к тиснению, которые открещены».

Хаустова предположила, что слово *куранты* выходит из употребления в начале XVIII века в связи с тем, что в то время вполне осознано было существенное отличие «Ведомостей» от старых «курантов». Первая отечественная печатная газета была названа самым употребительным русским синонимом к иноязычному слову *куранты*, и по отношению к ней слово *куранты* никогда не употреблялось. С другой стороны, этому должно было способствовать и появление в это же время в русском языке совсем нового обозначения — «газета», которое делало излишним употребление слова *куранты*.

Подводя итоги своим рассуждениям, исследовательница предложила сохранить первоначальное различие употребления слов *куранты* и *ведомости*, якобы соблюдавшееся в начале XVIII в. «Мы ничего не выигрываем, отказываясь от исторического именования „курантами“ рукописных переводов заграничных известий или „вестей“, представлявших собою явление, по существенным признакам не совпадающее, не тождественное с позднейшей газетой „Ведомости“».

Эта статья имела большое значение для дальнейшего исследования употребления слова *куранты*. Однако не все сделанные в ней наблюдения точны, и не со всеми выводами автора можно согласиться. Отметим наиболее существенные неточности: 1) утверждение, будто бы слово *куранты* не употреблялось в отношении к печатным «Ведомостям», ошибочно; 2) сло-

во *куранты* в значении ‘русские переводы (переводные компиляции) из иностранных газет’ встречается не только в XVIII, но и в XVII в.; 3) слово *ведомости* в XVII столетии не являлось синонимом к иноязычному слову *куранты*. Синонимами они стали только после того, как в начале XVIII в. у слова *ведомости* появилось новое значение ‘газета’.

В предложенном Хаустовой определении «заграничные газеты, письменные и печатные, или сами зарубежные известия и сообщения» фактически содержится два разных определения: 1) «заграничные газеты»; 2) «зарубежные известия и сообщения». Между тем во всех приведенных в ее статье примерах слово *куранты* обозначает именно газеты. Так, в первой цитате (см. выше) прямо говорится, что речь идет о печатных материалах, в третьей приводится стандартный формуляр заглавия «переводов с курантов», а эти материалы на настоящий момент достаточно хорошо изучены. Видеть в них не переводы материалов иностранных изданий, а просто «зарубежные известия и сообщения» нет оснований. Что же касается второго примера, то в нем вместе с курантами упоминаются письма, содержащие «зарубежные известия и сообщения». Это свидетельствует, что в цитируемом источнике говорится о конкретных типах документов, с которыми работал переводчик, а не просто об абстрактных «зарубежных известиях и сообщениях». Таким образом, одно из указанных автором значений слова *куранты* не имеет подтверждения.

Оппонентом Хаустовой выступил А. Л. Сахаров [Сахаров 1964]. К сожалению, цель своей работы он видел не в изучении словоупотребления XVII в., а в том, чтобы установить, как в XVII — начале XVIII столетия называлась первая русская рукописная газета. Поставленная Сахаровым задача не имела решения. В XVII в. такой газеты не существовало. Фонд 155 Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), который Сахаров считал газетой, сформировали в конце XVIII — начале XIX столетия из разных по своему происхождению и функциональному назначению материалов архивисты Коллегии иностранных дел. В XVII столетии эти документы просто не могли иметь единого названия.

Тем не менее Сахарову удалось сделать целый ряд ценных наблюдений. На значительном по своему объему материале он показал, что в первые десятилетия XVII в. слово *куранты* в русском языке не использовалось, а на протяжении второй половины XVII в. так чаще всего называли иностранные газеты (самый ранний из приведенных в статье примеров использования слова *куранты* относится к 1657 г.). После появления печатных «Ведомостей» курантами стали называть не только иностранные, но и русские газеты. Кроме того, Сахаров указал, что «в это время, особенно к концу века, изредка переводы с иностранных газет также именовались „курантами“»[3].

[3] К сожалению, А. Л. Сахаров к этому значению приводит примеры только XVIII в., хотя, судя по отметкам на бланках выдачи архивных дел, он был знаком с документами, в которых переводы с *курантов* назывались просто *курантами* уже в XVII в.

Этой форме придавалось специальное уточняющее значение «экземпляр курантов». От предложенного Хаустовой определения *курантов* «зарубежные известия и сообщения» Сахаров справедливо отказался.

Заслугой Сахарова является и то, что он обобщил термины, которые разные исследователи употребляли параллельно слову *куранты*[4], а также отметил недопустимость попеременного их использования в рамках одной работы. Плодотворна и его идея о том, что при исследовании рассматриваемого материала (в том числе документов ф. 155 РГАДА) нельзя смешивать терминологию разных хронологических периодов. К сожалению, установив различие в формулярах заглавий документов, содержащихся в ф. 155 РГАДА, Сахаров не смог преодолеть «гипноз архивного фонда» и сделать вывод, что перед ним не рукописная газета, существовавшая на протяжении почти ста лет, а различные материалы с известиями о событиях за рубежом. Пытаясь как-то разрешить поставленную перед собой задачу, Сахаров обратил внимание на то, что в документах часто используется слово *вести*. Именно его исследователь посчитал названием «первой русской рукописной газеты». Данный вывод можно рассматривать только как недоразумение, оказавшееся возможным из-за того, что Сахаров не был знаком с другими типами приказных документов XVII в. Слово *вести* употребляется в них чрезвычайно широко — везде, где речь идет о каких-либо известиях. Если его рассматривать как заглавие «первой русской рукописной газеты», то газетами придется считать самые разные документы, например, сообщения сторожевых станиц о положении дел на границе. По нашему мнению, слово *вести* характеризует содержащуюся в документах информацию, а не определяет тип документа — носителя информации. Точно так же в современном русском языке слово *новости* лишь характеризует информацию, которую несут газеты, радио, телевидение, Интернет, но не является их вторым наименованием (подробнее см. ниже).

Вопрос об использовании слова *куранты* в XVII в. был затронут в предисловии к первому тому издания «Вести-куранты». Его авторы установили наиболее ранний случай использования слова *куранты* в русском языке (1649 г.) [Вести-Куранты 1972: 6]. Что же касается значения данного слова, то на двух различных страницах введения оно определяется по-разному. На четвертой странице говорится, что «Курантами в XVII в. называли газеты (ср. нем. Couranten ‘ходячие вести, известия“, фр. courant ‘бегущий“)».

[4] «Вестовые письма, или Куранты» (М. С. Черепахов, Т. А. Быкова, А. В. Западов); «Вести, Вестовые листы и Куранты» (В. Д. Кузьмина); «Ведомости или Вести из разных мест, Вестовые письма, Куранты» (С. Я. Марлинский); «Вести, Вестовые письма, Вести из разных мест, Куранты» (С. П. Обнорский и С. Г. Бархударова); «Вести, Вестовые письма, Ведомости, Куранты» (П. Н. Беркова); «Ведомости или Вести, Вестовые письма, Вестовые листки, Куранты» (И. С. Хаустова). Следует добавить, что Сахаров учел не все варианты («Столбцы» В. П. Соболев [Соболев 1957: 4—6]), и в настоящее время перечень параллельных наименований продолжает разрастаться. К нему добавилось наименование «Вести-куранты».

На пятнадцатой странице, где идет речь о заглавии издания, приводится более широкое значение слова *куранты*. Там говорится, что, «как известно, некоторые голландские газеты XVII в. назывались „курантами“. Русские стали называть курантами иностранные газеты *и переводы с них* (выделено мной. — *С. Ш.*). А куранты складывались из „вестей“… Слово „куранты“ было в ходу в среде приближенных Петра I. В другой общественной среде употреблялось название „вести“, о чем свидетельствует… отрывок судного дела» [Там же: 4, 15] (см. ниже).

Таким образом, во втором случае авторы введения фактически приводят два значения слова *куранты* — «иностранные газеты» и «переводы с иностранных газет». К сожалению, это более полное определение в тексте введения фигурирует не самостоятельно, а приводится лишь попутно при рассмотрении проблемы названия издания. В результате большинство авторов обобщающих работ останавливаются на первом, кратком определении.

Во введении впервые делается попытка разграничить нормы употребления слова *куранты* у людей из разных слоев русского общества. К сожалению, эта правильная в принципе идея реализована не слишком удачно. В качестве примера «народного» словоупотребления, отличного от «придворного», приводится судное дело 1642—1643 гг., т. е. документ того периода, когда, согласно собственным данным авторов введения, слово *куранты* в русском языке вообще не употреблялось.

Одновременно с выходом первого тома «Вестей-курантов» была защищена диссертация американского исследователя Д. К. Уо [Waugh 1972]. В ней интересующей нас проблеме было посвящено специальное приложение. Уо пришел к выводу, что в первой половине XVII в. исследуемые документы начинаются словами «переводы с». Далее следует указание на источник — «грамота» или «грамотка», «лист», «письмо» или «куранты». Слово «грамотка» обозначает личные письма — рукописные, непечатные источники. Наиболее часто оно встречается во фразах, отмечающих, что это копия или выдержки из них (список с грамотки, выпись из грамотки). «Письмо» — также рукописный и наиболее распространенный в период, предшествующий созданию почтовой службы в 1660-х гг., источник. В некоторых случаях оно преобразовывалось в «вестовое письмо» («news letter» в тексте Д. К. Уо — в современном русском языке специальный термин для такого типа документов отсутствует). В нескольких случаях автор письма указан, но часто это просто анонимно циркулирующие «вестовые письма», которые копировали почтмейстеры в разных частях Европы. «Вестовое письмо» включает статьи из разных мест и составлено из того же материала, что и печатные газеты того времени. Через такие письма агенты печатников в разных городах посылали новости, которые позднее публиковались в газетах. Собственно печатные газеты в русских документах первоначально обозначали термином «печатный вестовой лист». Так же могли назвать печатную брошюру или листовку (прокламацию). Этимология термина «куранты» известна (в этом случае американский исследователь, ве-

роятнее всего, имеет в виду, что данное слово является заимствованием из голландского языка), меньше внимания уделено вопросу, когда этот термин начал использоваться. Он редко появлялся до 1660 г. Возможно, что до 1660-х гг. «куранты» обозначали специально голландские газеты с этим названием. С середины 1660-х гг. этот термин становится родовым для иностранных газет или «news letters». Не позднее 1676 г. курантами стали называть не только иностранные газеты, но и составленные на их основе компиляции [Waugh 1972: 447—451]. Большим вкладом в исследование значения слова *куранты* представляется и то, что Уо впервые на широком материале доказал, что названные в XVII в. переводами документы в реальности зачастую являются компиляциями. Эти же выводы он кратко изложил в своей рецензии на первый том «Вестей-курантов» [Waugh 1973: 105].

Накопленные сведения об использовании слова *куранты* в XVII столетии были обобщены в 1981 г. в Словаре русского языка XI—XVII вв. В статье «Куранты» говорится, что это: 1) Сообщения о текущих событиях («В курантах непрестанно пишются победы войск вашего царскаго величества», «Зделали почту… для полезнаго слышания вестописменных курантов, что в коей земле делаетца»); 2) Вестник, газета [СлРЯ XI—XVII вв., VIII: 135].

Мы видим, что авторы словаря отказались от приведенного Хаустовой для XVIII в., а позднее распространенного Сахаровым и авторами издания «Вести-куранты» на XVII столетие значения «переводы с курантов». Вероятно, причины этого в том, что Сахаров указал среди примеров только тексты XVIII в., в первом томе «Вестей-курантов» конкретных примеров тоже нет, а составители словаря не занимались данным вопросом специально. Возможно, сыграло роль и то, что к началу 1980-х гг. только в работах Уо отмечались компилятивный характер русских «переводов с курантов» и условность применения к этим документам слова *перевод*.

Предложенное Хаустовой двойное определение «заграничные газеты, письменные и печатные, или сами зарубежные известия и сообщения» при работе над словарем было разделено на два. Первым указано значение «Сообщения о текущих событиях». Характеризуя приведенные к этому значению примеры, Е. И. Кобзарева отметила, что «Скорее всего, и в том и в другом случае под словом „куранты“ подразумеваются иностранные газеты, и когда находящийся в Италии Постников сообщал царю о прочитанных им сообщениях о победах под Азовом, и когда речь шла об устройстве почты, по которой должны были пересылаться иностранные газеты» [Кобзарева 1988: 84]. Поставив под сомнение приведенные примеры, Кобзарева не смогла доказательно их отвергнуть. В этих текстах нет указания на то, о чем именно речь, и при чтении можно в соответствии с собственными желаниями видеть в упомянутых здесь «курантах» и иностранные газеты, и «сообщения о текущих событиях». Однозначно решить этот вопрос можно было бы, имея на руках те документы, о которых идет речь в цитируемых текстах. Однако на сегодняшний момент они не установлены.

Словарь русского языка XVIII века в общих чертах повторяет данные Словаря русского языка XI—XVII вв. [СлРЯ XVIII в., XI: 81, 82]. Он характеризует куранты как: 1) печатные издания; газета, сообщающая о текущих событиях; 2) известия, новости («Из Дации куранты любезно объявляют: рождение дщери короля того Меленды», «Получила… такие куранты, будто швецкая королева умерла»). Здесь, так же как в Словаре русского языка XI—XVII вв., отсутствует отмеченное Хаустовой, Сахаровым, издателями «Вестей-курантов», Уо значение ‘переводы с курантов’. Если для Словаря русского языка XI—XVII вв. отсутствие данного значения можно объяснить тем, что в статьях исследователей имеются только примеры, относящиеся к XVIII в., то игнорирование данной информации Словарем русского языка XVIII в. кажется странным. Вызывают сомнения и примеры, подобранные для иллюстрации значения ‘известия, новости’. Приведенные цитаты с таким же успехом могут относиться к значению ‘печатные издания; газета’.

При работе над данной статьей автором было проанализировано около тысячи случаев использования слова *куранты* в текстах XVII—XVIII вв. При этом не встречено ни одного варианта, где бы слово *куранты* однозначно подразумевало ‘сообщение о текущих событиях’ или ‘известия, новости’. Скорее всего, в XVII—XVIII столетиях слово *куранты* в таком значении не использовалось.

Последняя из представляющих интерес для нашей темы работ является опубликованная в 2001 г. статья И. Майер и В. Пилгер о курантах 1648 и 1649 гг. [Maier, Pilger 2001: 209—242]. В ней подробно анализируется текст, содержащий информацию о полномочиях испанских представителей на переговорах о мире с Голландскими штатами в Мюнстере 1648 г. В разделе, посвященном общему анализу источника, отмечено, что в переводах слово *куранты* первый раз появляется в 1649 г. В пятом томе — 1651—1652, 1654—1656, 1658—1660 гг. — отмечено девять случаев употребления этого слова, а в еще не опубликованных переводах 1660-х гг. — более 150 случаев. Наблюдения Майер впервые позволили представить динамику распространения слова *куранты* в русском языке.

Таким образом, исследования последних пятидесяти лет позволили установить, что в XVII—XVIII вв. слово *куранты* использовалось в нескольких значениях. Основное из них — синоним современного слова *газеты* (изначально иностранные, а после появления печатных «Ведомостей» — и русские), второе — «переводы и переводные компиляции с иностранных газет». Это значение слова *куранты* не учтено словарями русского языка. Между тем компилятивные переводы — подборки материалов из нескольких газет (часто сокращенные, а изредка пересказанные или прокомментированные) представляют собой новое, оригинальное явление. Уже в начале XVIII в. переводчики отличали их от переводов в современном значении этого слова и называли «экстракт ис печатных курантов»[5]. В работе Хау-

[5] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПР). Ф. 11. Оп. 11/1. 1724 г. Ед. хр. 54. Л. 5, 8. Встречаются и другие, близкие по смыслу определения.

стовой и в ориентирующихся на нее словарях приводится еще одно значение — «зарубежные известия и сообщения» («сообщение о текущих событиях», «известия, новости»), однако реальное существование данного значения вызывает сомнение.

Были намечены и пути дальнейшего изучения истории функционирования слова *куранты* в русском языке. Во-первых, исследователи установили, что рассматривать бытование этого слова надо с учетом хронологических изменений. Во-вторых, оказалось, что отдельного исследования требует вопрос о том, внутри каких социальных групп данное слово использовалось. Эти намеченные предшественниками подходы мы попытаемся реализовать в нашем исследовании. Кроме того, точно установить значение данного слова можно только на основе большого количества примеров из источников разного типа. Это даст возможность отличить норму от ненормативного, случайного употребления слова. Необходимо также проанализировать соотношение слова *куранты* с его синонимами: *авизы*, а с начала XVIII в. — *ведомости*, *газеты*.

По нашим наблюдениям, бытование слова *куранты* в русском языке второй половины XVII — начала XVIII столетия распадается на два условных, но все же четко просматривающихся периода. Рубежом для них служат несколько лет, прошедшие между свержением правительства царевны Софьи и началом самостоятельного правления Петра I. Для первого периода характерно постепенное распространение слова среди людей, так или иначе связанных с внешнеполитической деятельностью русского правительства. Во втором периоде этот процесс ускоряется и осложняется нарастающей беспорядочностью в словоупотреблении. В XVIII в. появляются новые синонимы, которые постепенно вытесняют слово *куранты* из языка.

В начале исследования необходимо кратко коснуться вопроса о том, как в Московском государстве называли иностранные газеты и непериодические информационные издания[6] до появления специальных наименований. Анализ материалов из первых пяти томов «Вестей-курантов» показывает, что, как отмечал Д. К. Уо, до середины XVII столетия переводчики в подавляющем большинстве случаев указывали, что ими сделан перевод с листов (листков) или тетрадей, реже — писем [Вести-Куранты 1972; 1976; 1980; 1983; 1996][7]. К этим основным определениям добавлялись указания на то, что переводимые листы (листки, тетради, письма) являются вестовыми, печатными (письменными для рукописных газет), немецкими (цесарскими, голландскими и т. д.), перечневыми[8]. В каждом конкретном случае

[6] Т. е. прессу в широком значении этого слова.

[7] Из анализа исключены документы, в отношении которых заглавие, содержание, структура текста позволяют предположить, что это не переводы с иностранных газет или непериодических информационных изданий. К примеру, исключены материалы перлюстрации писем.

[8] От слова *перечень*, т. е. текст с постатейным перечислением известий.

отдельные дополнительные определения опускались (к примеру, «Перевод с вестовых печатных листов, что при[вез?] из Риги агличанин Иван Гебдон…» [Вести-Куранты 1996: 19]). Исключения из этого правила единичны. Часть из них связана с тем, что переводился международный договор («Перечень перемирным статьям на которых статьях мыслят евангилицкие князи и думные люди с цесарем договор учинить»; «Перевод с мирных договорных статеи на которых меж королем шпанским да Галанскими Статы мир учинен») [Вести-Куранты 1980: 50, 161]. В одном случае документу было дано название «Перевод с печатнои росписи что несколко сот человек божиею милостию изцелителными колодези в Горнузене…» [Вести-Куранты 1980: 136].

Слово *вести*, которое часто попадается в текстах и подзаголовках отдельных статей, в заглавиях встречено лишь трижды: «Перевод с вестеи што деялося во 1620 м году, а по руски в 128 году в Ческои земле и в Аустреискои…», «Вести из розных мест 1637 м году», «Еуропские суботные вести 1646-м году» [Вести-Куранты 1972: 41, 179; 1980: 155]. Этих изолированных примеров (один на десятилетие при десятках сохранившихся документов) абсолютно недостаточно для того, чтобы видеть в слове *вести* общее название документов определенного типа. Бросается в глаза, что во всех трех заголовках дата приведена по европейскому, а не по принятому в России того времени летоисчислению «от сотворения Мира». Это нехарактерно для большинства переводов с иностранных газет. Скорее всего, все три зафиксированных отклонения связаны с тем, что переводчик в большей мере ориентировался на иностранный первоисточник, а не на нормы русского словоупотребления.

Один раз в заглавии встречено слово *ведомы*: «Выписано из розных подлинных ведомов в нынешнем во 167 м году в августе месяце» [Вести-Куранты 1996: 133]. Однако в данном случае перед нами не перевод с газеты, а подборка сообщений из Польши. В ней нет обычных подзаголовков статей, зато на полях против каждого «ведома» стоит порядковый номер от 1 до 12.

Данные заглавий документов, опубликованных в составе «Вестей-курантов», очень близки материалам «Описи архива Посольского приказа 1626 г.» [Опись 1977: 185, 195, 198, 199—200, 204, 208, 251, 254, 255, 310, 358, 362, 363, 364, 373, 380, 383, 392]. К сожалению, описи менее удобны для изучения нашей проблемы, поскольку в них приведены только заглавия, и уточнить характер документа по его содержанию не всегда возможно.

Информацию о том, как русские тексты с зарубежными новостями именовались вне формуляров заглавий их переводов, можно встретить в следственном деле 1642—1643 гг. о порче царицы Евдокии Лукьяновны. При расследовании данного дела у стрельца Гришки Казанца была «вынута» часть перевода с вестового листа или газеты. Его происхождение оказалось вполне невинным: «А што де у нево вынято письмо, — говорил следователям Казанец, — а написано в нем проявился мессия и то де письмо дал ему

розрядной подьячей Федор Семенов с ыным писмом на заряды и он де Гришка прочетчи то писмо подивился». Следователи также называли изъятые материалы письмом. Подьячий же Разрядного приказа Федор Семенов на допросе сказал: «Прашивал де у нево тот стрелец Гришка бумаги на заряды, и он де Федор ему де ис под стола драную бумагу на заряды давал и нешто де будет то писмо дал в драной бумаге, а писаны де те вести в отписке изо Пскова и та де отписка в Розряде и ныне есть» (№ 18 Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г. [МДБП: 271—273]). На примере этого дела очень хорошо видно, что все участники расследования называли документ письмом, когда же речь зашла о его содержании, то подьячий Разрядного приказа использовал слово *вести*. В рукописных сборниках имеются и другие примеры подобного словоупотребления, относящиеся к 1645 и 1647 гг[9]. Таким образом, можно констатировать, что до появления слова *куранты* материалы рассматриваемого типа одинаково именовались и в среде служащих Посольского приказа, и среди простых жителей Московского государства.

Процесс вхождения слова *куранты* в русский язык зафиксирован в материалах четвертого и пятого томов «Вестей-Курантов». Сведем эти данные в хронологическую таблицу № 1.

Таблица № 1

Год	1649	1651	1652	1656	1658
Количество примеров со словом куранты	1	1	1	2	4

Создается впечатление постепенного, растянувшегося на десяток лет процесса «вживания» слова *куранты* в русский язык. Однако информация издания может быть уточнена. К опубликованным материалам следует добавить шесть случаев употребления слова в неопубликованном деле конца 1657 — 1658 г.[10] С другой стороны, необходимо отказаться от некоторых

[9] «Лета 7153 [1645], апреля в 20 день, перевод с немецкого письма, каково письмо подал воеводе князю Алексею Федоровичу Лыкову да дьяку Григорю Углеву Посольского приказу переводчик Матфеи Верес. А сказал, дал де ему то письмо на Гостине Немецком дворе галанского немчина Албрехта фан до Блока приказщик Еганко фан Стадон. А к нему то писми прислал июня в 5 день ис Печерского монастыря хозяин его Албрехьт фан до Блок. А то де письмо прислано из Риги у датских немец свейскими то же лето меж собою» (цит. по [Бобров 1999: 463]). В 1647 г. монах, неизвестный автор «Повести о кончине царя Михаила Федоровича» ссылается на то, что «в странах немецких пишут и печатают в книгах и на листах о военных действиях». См. [Каган 1993: Повесть о кончине царя Михаила Федоровича, 138—140].

[10] Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 5. 1657—1658 гг.

примеров более раннего времени. Единица № 5 пятого тома издания датирована 1651 г. на основании пометы на обороте л. 1 архивного дела [Вести-Куранты 1996: 29]. Однако появление пометы связано с вторичным использованием бумаги в конце XVIII — начале XIX в. при разборке дел Донского повытья. В тексте же единицы упоминается П. Д. Дорошенко, который вышел на политическую арену только в 1660-х гг. и фигурировать на страницах иностранных газет в начале 1650-х не мог. В единице № 14, 1652 г. слово *куранты* представляет собой помету на обороте титульного листа [Там же: 57]. Судя по почерку, данная помета хотя и относится к XVII в., но была вписана позднее, чем создавался основной текст. Единица № 26, 1656 г. содержит известия разных лет, в т. ч. августа 1660, 1665—1666 гг. [Там же: 101] (подробнее об этом см. [Maier 2003: 54—55]). Таким образом, оказывается, что между первой фиксацией слова в 1649 г. и началом его систематического употребления в заглавиях переводов иностранных газет прошло шесть лет. В других источниках слово *куранты* начинает использоваться не ранее 1657 г., когда составлялась «Роспись всяким вещам деньгам и запасам, что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова». В ней говорится, что «165 году... февраля в 23 день пожаловал государь... Воротынскаго велел ему дати из животов боярина Никиты Ивановича… Шкатулу неметцкую, а в ней... перевод с польскаго письма, как женился Владислав король на цесаревне. Да с курантов перевод, у него начала нет» [ЧОИДР 1887: III, 60; Сахаров 1964: 397]. То, что документ без заглавия при разборке архива умершего боярина был опознан как «перевод с курантов», позволяет сделать два вывода. Во-первых, составитель описи к 1657 г. прочно усвоил данное слово. Во-вторых, курантами он мог назвать не только голландские газеты, но и газеты вообще, ведь если столбец с переводом не имел заглавия, то определить, что это именно перевод с голландского, не представляется возможным. Таким образом, время вхождения слова *куранты* в русский язык следует отнести ко второй половине 1650-х гг. Это закономерно, поскольку в 1654 г. Россия вступает в войну с Польшей, а в 1656 г. — со Швецией. Русское правительство остро нуждается в информации о событиях в Европе, что резко усиливает интерес к иностранной прессе.

Проникнув в русский язык, новое слово далеко не сразу вытеснило традиционные наименования даже из заглавий переводов иностранных газет. Среди материалов, отобранных для публикации в шестом томе «Вестей-курантов» 1660-х гг.[11], отдельные названия старого типа встречаются до

[11] РГАДА, ф. 141, 1652 г., № 122; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1666 г., № 11; РГАДА, ф. 96, 1660 г., № 1; РГАДА, ф. 96, 1660 г., № 2; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1664 г., № 2; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1664 г., № 3; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1665 г., № 11; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1667 г., № 10; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1667 г., № 10; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1668 г., № 9; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1669 г., № 8; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1669 г., №9; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1669 г., №10; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1670 г., №8; РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1670 г., № 8.

1669 г. («Перевод з галанского печатного вестового листа»)[12]. Начиная с 1670-х гг., подобные заголовки в тетрадях и столбцах с «переводами курантов» отсутствуют.

Уже в конце 1660-х — начале 1670-х гг. впервые встречается и слово *куранты* со значением ‘переводы с курантов’ (то есть переводы и компиляции из газет и других информационных изданий). Чаще всего такое значение можно встретить в делопроизводственных пометах. Обычно подобные пометы на документах с «переводами с курантов» включают одно слово *куранты* (иногда с добавлением даты). Несмотря на обилие подобных помет, их нужно использовать очень осторожно. Дело в том, что они могли быть проставлены на документе десятки, а то и сотни лет спустя после его составления. Многие пометы связаны с работой по разборке архивов в XVII, XVIII и XIX столетиях. Краткость помет, а также упрощенность и небрежность письма при их нанесении позволяют датировать многие записи лишь с точностью плюс-минус 25—50 лет. Встречаются на переводах курантов и довольно обширные пометы, синхронные или близкие времени написания документов. На «Переводе з галанских печатных курантов» 1669 г. имеются пометы: «В том месте выклеены куранты о коровании (так в ркп., вм. короновании)»; «На сих курантах наклеены были цесарские куранты напечатаны о коровании. Взял Андреи Иванов к думному дияку к Лукьяну Голосову»[13]. В этих пометах речь явно идет именно о переводах, поскольку иностранные подлинники в столбцы не подклеивались. Пометы, в которых курантами называются документы с заглавием «переводы с курантов», встречаются и позднее. На «переводах с курантов» конца сентября 1680 г. имеются пометы: «И таковы куранты посланы к великому государю в поход октября в 3 день с Рижскою почтою, что сентября присланы и отписка прислана такова», «Да и к думному (дьяку Л. Т. Голосову (?). — *С. Ш.*) посланы куранты ж октября 2 числа писанные»[14]. Еще одна помета такого типа отмечена на обороте последнего листа почты за 8 декабря 1680 г. Выполнена она рукой Д. Симоновского, руководившего повытьем, где в то время ведались куранты [Белокуров 1906: 52, 53, 167]: «куранты 189 сбору Дмитрия Симоновского»[15]. Слово *куранты* в значении ‘перевод с курантов’ видим и в описях приказных документов, в частности, в переписных книгах приказа Тайных дел за 1676—1683 гг. В этих книгах встре-

[12] РГАДА, ф. 155. Оп. 1. 1667 г., № 10, л. 289.

[13] РГАДА, ф. 155. Оп. 1. 1669 г., № 8, л. 99—107. Хотя данная запись, скорее всего, близка времени составления документа, она могла появиться до 1681 г., когда Л. Т. Голосов и А. Иванов покидают Посольский приказ. В таком случае подкрепленное источниками наименование «переводов с курантов» «курантами» следует отнести к 1670-м гг. [Беляков 2001: Приложение. Список служащих Посольского приказа 1645—1682 гг.].

[14] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 23—30.

[15] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 134.

чаются и слово *куранты*, и словосочетание *переводы с курантов*. Часть зафиксированных в описях материалов сохранилась до наших дней. Как пример можно привести «Столп, а в нем куранты 164-го, 167-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го году» за скрепой дьяка Артемона Афонасьева [РИБ 1907: 635]. Этот столп в расклеенном виде хранится в РГАДА[16]. Часть данного дела опубликована в пятом томе «Вестей-курантов» [Вести-Куранты 1996: 4]. Хотя в описи документ назван «курантами», мы видим в нем переводы, а не иностранные оригиналы.

В рассматриваемый период слово *куранты* обычно употреблялось во множественном числе. Сахаров отмечает, что «Рядом со словом „куранты“… встречается и „курант“ (единств. ч.)» и что «этой форме придавалось специальное уточняющее значение „экземпляр курантов“» [Сахаров 1964: 398]. Однако все приведенные в его статье тексты относятся к последним годам XVII — началу XVIII в. Для более раннего времени также можно найти отдельные примеры подобного словоупотребления («Перевод с немецкого печатного куранта, каков подал в Посолском приказе Еремеи Фондергатин, а сказал, что прислан чрез рижскую почту в нынешнем во 179-м (1671. — *С. Ш.*) году апреля в 8 день»)[17], но такие исключения столь же редки, как и использование слова *вести* в заглавиях переводов с иностранных газет. Встречаются ситуации, когда там, где по смыслу должно быть употреблено существительное единственного числа, все равно сохранялось множественное число. Так, 9 ноября 1676 г., когда из всех пришедших газет было переведено только одно сообщение (из Кенигсбергской газеты), в заглавии все равно указали, что перевод осуществлен «с цесарских и галанских печатных курантов»[18]. В 1686 г. при расследовании пропажи почты почтмейстер А. А. Виниус в своей сказке, сообщая о находке четырех газет, вместо того чтобы использовать словосочетание «четыре вестовых куранта», написал «[четыре] листка вестовых курантов» [Козловский 1913: 132]. Это показывает, что, хотя в отдельных случаях единственное число слова *куранты* и могло употребляться, нормой такое словоупотребление не стало даже для тех, кто постоянно работал с иностранной прессой. Не встречаются и зафиксированные для начала XVIII в. слова *курантельщик*, *курантер* и *курантописец* (издатель газеты) [Вести-Куранты 1972: 6; СлРЯ XI—XVII вв., VIII: 135]. Русский почтмейстер Петр Марселис в письме кенигсбергскому почтмейстеру от 14 июня 1670 г. использовал слово *друкарник*: «и тебе у тамошняго друкарника о том деле проведывать» [Козловский 1913: 30], а в 1681 г. Виниус в челобитной о закрытии виленской почты отдал предпочтение варианту *печатник*: «по договору моему с печатником рижских курант ныне присылаются и третьи куранты…» [Там же: 57]. То же наименование использовано в переводе сказки

[16] РГАДА Ф. 141. 1652 г. № 122.

[17] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Д. 7. Л. 32.

[18] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 91.

голландских купцов (1666): «Бурмистры укажут печатником в вестовых печатных листах печатать…»[19].

Как уже говорилось выше, в заглавиях выполнявшихся в Посольском приказе переводов с иностранных газет слово *куранты* вытеснило все иные варианты к концу 1660-х гг. Это означает, что оно вошло в словарный запас почтмейстеров, переводчиков Посольского приказа, служивших в приказе дьяков и подьячих, а также царя и бояр, которые слушали «переводы с курантов» на заседаниях Думы. В сумме число этих людей не превышало нескольких десятков. Кроме того, нельзя забывать, что даже если слово было известно человеку, то он мог и не употреблять его сам. Чтобы понять, сколь широко в реальности распространилось слово *куранты*, необходимо проанализировать его употребление вне формуляров заглавий переводов иностранной прессы и делопроизводственных помет.

22 февраля 1659 г. царь Алексей Михайлович дал думному дворянину А. Л. Ордину-Нащокину роспись того, что нужно привезти из-за границы. Десятым пунктом он затребовал «Лист печатной о государеве походе», ниже под №11 добавил «И всем государевым трем походам». Дальнейший ход размышлений монарха зафиксирован в последнем, двенадцатом пункте: «Вести изо всех государств ежемесяц» [Гурлянд 1902: 109]. Мы видим, что отдельный документ государь именовал просто листом. Когда же царское око охватило более широкую задачу, то речь пошла уже о «вестях» вообще.

Сам Ордин-Нащокин также пользовался терминологией, сложившейся в предшествующие десятилетия. В челобитных царю 1660 г. он именовал иностранную прессу «немецкими печатными тетрадями» и «вестовыми печатными письмами»[20]. Весной 1664 г. перед отправкой на съезд с поляками для переговоров о прекращении войны Ордин-Нащокин подал государю челобитную, в которой писал, что «шведы составляют злые вести, в Стокгольме печатают и во весь свет рассылают, унижая Московское государство» [Соловьев 1991: 156—157]. Последний пример очень хорошо иллюстрирует отношение русского дипломата к газетам. Ордин-Нащокин видит в них не какое-то самостоятельное явление, а просто один из способов распространения информации (вестей) — вести собираются, размножаются типографским способом и рассылаются дальше.

В договоре приказа Тайных дел с Яном Ван Сведеном (1665 г.), по которому тот начал привозить в Россию иностранные газеты, предмет договора именовался «вестовыми письмами всякими» [РИБ 1907: 1065]. Позднее, после передачи почты Леонтию Марселису, новый почтмейстер обязался «чинить подлинные ведомости изо всех государств по прежнему» (1668) и «держать… почту, что во всех государствах во всякое время делается, вестьми так печатными, как и письменными» (1669) [Козловский

[19] Ф. 50. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 15.

[20] РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 420; РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 177.

1913: 5, 21]. Хотя в последнем случае доставка «печатных вестей» специально оговорена, в документе по-прежнему отражен старый подход, при котором в центре внимания остаются вести, хотя фактически основную массу доставляемых материалов составляют газеты.

В дипломатических документах мы также встречаем старые наименования. В «Отправлении переводчика Тимофея Англера к Галанским статом» (1666 г.) голландские газеты названы «печатными вестовыми листами», «которые печатают вашего владения в городе Амстрадаме и в иных галанские земли городех»[21].

В письме иноземца Ягана фон Горна к А. Л. Ордину-Нащокину (1667), где Горн предлагает печатать сообщения из России в иностранной прессе, встречаем наименование «недельные вести» в качестве обозначения газет: «Так ж об чем ко мне отписано будет и я печатать и в неделных вестях ведомо чинить буду, и его царского величества сила во всеи Еуропе славна будет»[22]. Другой иноземец, Иван Гебдон, в письмах к Ордину-Нащокину и Алексею Михайловичу также не использовал слово *куранты*. В челобитной царю читаем: «И те вести в печатных и письменных листах розосланы по многим землям. А те листы я, иноземец, послал к тебе, великому государю, в моей иноземцовой вестовой отписки» [Гурлянд 1903: 61, 65]. В ответ на эти сообщения Гебдон получил из Тайного приказа следующий указ: «Как к тебе ся наша грамота придет, а авизы печатные в немецких государствах и в ыных городех о побое боярина нашего и воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи и наших, великого государя, ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те ависы покупал и после тех ависов велел напечатать авизы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею нашею, великого государя, грамотою» [Там же: 22]. Здесь мы впервые встречаемся со случаем, когда газеты именуются «авизами» (в XVII—XVIII вв. встречаются варианты «ависы», «авизии» и «адвизы»). *Авизы* выступают в документах как синоним только входящего в русский язык слова *куранты*. Если *куранты* — прямое заимствование из голландского языка, то слово *авизы*, вероятнее всего, воспринято не из Италии, а через посредство какого-то из других европейских языков. К примеру, серб Юрий Крижанич, находясь в ссылке в Тобольске, использовал по отношению к газетам именно это наименование: «In advisiis, quae mihi ultimo ad manus venerunt, legi…» (1663 г.) [Белокуров 1903: 197]. Слово *awis* в значении ‘газета’ употребляли в Польше [Покровский 1906: 6]. Термином «авизы» пользовался в своих донесениях из Варшавы прибывший туда в качестве резидента в 1674 г. стольник В. М. Тяпкин [Соловьев 1991: 490, 500]. В переводе договора о возобновлении работы виленской почты (конец 1685 г.) между московским почтмейстером Виниусом и виленским почтмейстером в четвертом пункте оговаривается, что последний должен

[21] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 6.

[22] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. № 10. Л. 38.

«Адвизы по двои присылати со всеми почтами понедельно, и за то послат господину Бисингу по паре соболей добрых в 25 ефимков, а буде адвизов не пришлет и соболей господин Виниюс посылати к нему не должен». Любопытно, что в сказке Виниуса, где руководству Посольского приказа сообщается о факте заключения этого договора, он пишет «куранты вестовые» [Козловский 1913: 107, 108]. О том, что «адвизы», которые должен посылать Р. Бисинг, — это именно газеты, говорит тот факт, что со следующего 1686 г. в Москву начинают доставляться «Краковские ведомости»[23]. Кроме того, как любезно указала автору статьи шведская исследовательница Ингрид Майер, слово *aviso* использовалось и в названиях немецких газет. К примеру, «Aviso oder Zeitung» [Bogel, Blühm 1985: 172].

Уже в самом конце 1660-х гг. зафиксировано два случая, когда в документах параллельно употребляются старые наименования и новое слово *куранты*. В 1669 г. в челобитных переводчиков Посольского приказа на Леонтия Марселиса в одном случае используется определение «вестовые письма», а в другом — «куранты» [Козловский 1913: 24, 40]. В «Книге записной нынешняго 178 году курантом, которые приходят чрез рижскую и виленскую почты», говорится: «И чрез те почты первые вестовые письма посланы чрез рижскую сентября з 17 числа прошлого 177 году, а чрез виленскую марта с 1 числа того же прошлого 177 году. И с тех чисел приходят те вестовые куранты и по се число в неделю, а иные и в 10 дней» [Там же: 36, 37].

За все 1660-е гг. вне заголовков переводов иностранных газет удалось найти лишь четыре случая, где слово *куранты* встречается без сопровождения сложившихся в предшествующие десятилетия наименований. Это письма гданьского (1668 г.) и виленского (1669 г.) почтмейстеров[24], челобитная воевод И. Репнина и С. Углецкого с изложением сказки переводчика Л. Цымермана о присылке «курантов о вестях»[25], а также статейный список посольства в Англию и Италию П. Прозоровского и И. Желябужского (1662 г.): «А таких людей, кому б писат про вести и присылат куранты, в Аглинской и во Флоренской и в Виницейской землях не сыскано. Нихто за такое дело не ималис за далним путем. А ис Курлянские земли про всякие вести хотел писат канцлер курлянского князя» [Кобзарева 1988: 61]. Только с начала 1670-х гг. русские почтмейстеры начинают регулярно употреблять в своих письмах, челобитных, сказках и других документах слово *куранты*. Оно встречается в письме Петра Марселиса кенигсбергскому почтмейстеру (1670 г.), в 1680-х гг. его активно использует Виниус [Козловский 1913: 30, 57, 83, 86, 87, 104]. Но даже и у Виниуса можно отметить «рецидивы» устаревшей терминологии. В челобитной 1683 г. он хотя и использует в основном слово *куранты*, но в то же время пишет: «А со 189-го году учала ходит рижская почта одна, а вести всякие, что деется в Еуропе и в частех

[23] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1.

[24] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. № 9. Л. 20; [Козловский 1913: 38].

[25] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1664 г. № 2. Л. 1.

некиих Азии, учали присылать чрез Рижскую почту по вся недели неотрывно…» [Там же: 69], хотя речь в данном случае идет именно о газетах.

В дипломатических документах слово *куранты* также хотя и появляется, но употребляется параллельно с наименованием *вестовые письма*. В записи переговоров в Посольском приказе со шведским посланником А. Эбершильтом (1672 г.) мы читаем: «И выписка ис курантов, каковы статьи в тех курантах объявились, посланнику казаны и выговариванно посланнику о том пространно»; «Такие де курантовые вестовые письма печатают блиско Риги в Королевце, а в Риге де на цесарском языке ни каких вестовых писем королевского величества подданным печатать не указанно…» [Крестьянская война 1962: 285, 286]. Имеются и отдельные случаи, когда слово *куранты* встречается в документах самостоятельно. Мы видим его в царских указах воеводам М. С. Пушкину (1683 г.), Б. П. Шереметеву (1684 г.), в письме из Пскова от псковского воеводы М. Г. Ромодановского в Посольский приказ (1696 г.), его же губернатору Риги (1696 г.) [Козловский 1913: 67, 88, 119, 120]. В описи архива Посольского приказа 1673 г., как и в других источниках, встречается одновременное использование разных наименований. Большинство составляют «листы», «листки», «тетради» (нами отмечено восемь таких случаев, хотя в реальности их, скорее всего, значительно больше, поскольку по заглавиям лишь для очень небольшой части листков, тетрадей и вестовых писем можно с уверенностью утверждать, что это иностранные информационные издания). Слово *куранты* четыре раза фиксируется самостоятельно и один раз в составе фразы «перевод с немецкого писма вестового с курантов», в одном случае мы видим название газеты: «Меркориус полский печатной экстраардиналный» [Опись 1990: 116, 197, 240, 241, 242, 271, 272, 307, 311, 316, 336, 337, 482, 482].

Особенно интересно для нас проследить, какие изменения в наименовании курантов («переводов с курантов») происходили при их передаче (или при передаче содержащихся в них сведений) из одного органа государственного управления в другой.

На «переводах с курантов» 25 сентября 1680 г. имеется помета: «И таковы куранты посланы к великому государю в поход октября в 3 день с Рижскою почтою, что сентября присланы и отписка прислана такова». В этой помете «переводы с курантов» превратились в «куранты». Ниже идет черновик челобитной, отправляемой царю Федору Алексеевичу: «Государю /титул/ холопи твои Янко Одоевский со товарищи челом бьет. Сентября государь в 25 день присланы в Посольской приказ через Рижскую почту вестовые немецкие письма». Далее говорится об их переводе и посылке государю[26]. Так «куранты», покинув Посольский приказ, превратились в «вестовые письма». То, что такая смена терминологии при отправке «переводов с курантов» к царю даже в царствование Федора Алексеевича была нормой, а не исключением, свидетельствует подобная же челобитная от

[26] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 23—30.

другого боярина из рода Одоевских: «Государю (титул) холопи твои Ники[тка] Одоевской с товарыщи челом бьет. Июня, государь, в 25 день присланы в Посольской приказ через рижскую и виленскую почты вестовые немецкие письма». Далее, так же как и в первом случае, говорится об их переводе и посылке государю [Козловский 1913: 55].

Аналогичная ситуация наблюдается в случаях введения карантина на границе по известиям из «переводов с курантов». В указе смоленскому воеводе, боярину князю И. Б. Троекурову от 13 января 1681 г. читаем: «В нынешнем во 189 году, генваря в …день, присланы в Посольский приказ чрез Рижскую почту вестовыя немецкия письма, а в переводе с тех писем написано: из Польши, из города Желкви, декабря в 10 день, что в Кракове паки начинается моровое поветрие» [ПСЗ-I: № 858, 294]. Данное сообщение находится в «переводах с курантов» 7 января 1681 г.[27] Еще более подробную информацию дает дело о введении карантина на западной границе зимой 1683/1684 гг. В нем говорится: «Да ноября в 10 день с Рижскою почтою в курантах ж, что в цесарском городе Вене да в Ферфурте объявилось моровое поветрие. И по указу великих государей велено было по тем вестям послать великих государей грамоты о заставех… А декабря з 27-го числа генваря по 10-е число о моровом поветрии в курантах не напечатано. 192-го генваря в 10 день по указу великих государей боярин кн. В. В. Голицын с товарыщи слушав сего переводу с вестовых писем приказал послать государевы грамоты…» [Козловский 1913: 112]. Посланные на основании этих данных во Псков, Киев, Новгород, Смоленск указы начинались словами: «Ведомо нам великим государям учинилось чрез вестовые писма…» [Там же: 113, 114]. Таким образом, при выходе информации за пределы Посольского приказа наименование «куранты» сменяется на «вестовые письма».

Не менее интересен и случай «обратного движения» курантов. В письме 1657 г. архангельского воеводы Петра Прозоровского говорится о том, что 25 сентября 1657 г. приказчик голландец Юрий Клинк передал пришедшие с последним кораблем «шесть печатных немецких писем про всякие заморские вести» и что в тот же день письма отправлены в Москву. Перевод с этих документов был сделан 17 октября 1657 г., и назывались они уже не письмами, а «галанскими печатными курантами»[28]. Подобную же информацию мы находим в деле 1686/1687 гг. о потере почты. Почтарь по дороге в Москву потерял сумки с почтой. После долгих поисков на дороге удалось найти часть утерянной корреспонденции. В челобитных и расспросных речах, присланных тверским воеводой Л. С. Горчаковым в Москву, найденные в ходе розысков четыре иностранные газеты были названы «листами», «листами немецкими», «листами почтовыми». Только Виниус, получив потерянные документы, назвал их в своей сказке «листками вестовых курантов» [Козловский 1913: 124—133]. Таким образом, за

[27] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 167, 177—181.

[28] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 5. 1657—1658 гг. Л. 90—96.

прошедшие три десятилетия ситуация практически не изменилась. Газеты назывались «курантами» в Посольском приказе, а покидая его, превращались в «письма» или «листы».

Все приведенные выше примеры употребления слова *куранты* так или иначе связаны с работой органов государственного управления. Встает вопрос, использовалось ли изучаемое слово вне рамок профессионального делового общения. Чтобы решить эту проблему, обратимся к рукописным книгам рассматриваемого периода. К настоящему времени в литературе зафиксировано значительное число случаев, когда материалы европейской и (с начала XVIII в.) русской прессы попадали в рукописные сборники [Бобров 1999: 463; Каган 1993: Крючков Исидор, 201, 202; Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом, 221—223; Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками, 224—225; Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам, 227—228; Легендарное послание турецкого султана польскому королю, 228—231; Каган 1958: 225—250; 1958а: 309—315; Лавров 2000: 250—252; Малэк 2004: 427—429; Морозов 1980: 57—61; МДБП: № 18 Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 8 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г.: 270; Покровский 1987: 290—296; Попов 1869: 227, 228; 1903: 240; Турилов 1993: Легендарное донесение из Белграда, 226—227; Уо 2003; Харлампович 1918: 1—18; Шамин 2002: 134—138; 2003: 274—277; Waugh 1972; 1978]. Следует констатировать, что слово *куранты* встречается в них исключительно редко. Наиболее ранним из таких сборников является № 43 из собр. Археологического общества РНБ, датирующийся по содержанию временем после 1680 г. В него вошла подборка «переводов с курантов» 1663—1680 гг. Один из заголовков помещенных в сборник текстов выглядит так: «Список с печатных цесарских и з галанских писем каковы переведены в нынешнем во 178 м году октября в 13 день». Ниже идет подзаголовок: «Перевод с печатных с цесарских и з галанских курантов» (публикация [Waugh 1978: 128]). Еще один сборник конца XVII — начала XVIII в. (БАН, 17.8.9) содержит текст, который читается также в записках дипломата И. А. Желябужского: «В курантах почтовых печатных польских и немецких напечатано…»[29]. Исследователь рукописей Д. К. Уо считает, что происхождение обеих указанных книг связано с Посольским приказом [Waugh 1978: 224—226, 228, 229]. В отношении сборника Археологического общества № 43 предположение о его связи с Посольским приказом можно аргументировать дополнительно. Дело в том, что в эту рукопись вошел целый комплекс переводов из приказного архива за конец 1660-х — начало 1680-х гг. Наиболее поздним из этой подборки является рассказ о двух старцах, предрекающих конец света, переведенный в Посольском приказе

[29] БАН, 17.8.9. Л. 16.; Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990. С. 246.

в 1680 г. [Шамин 2002: 134—138]. Такой сборник текстов из внутренних документов Посольского приказа мог составить только человек, имевший неограниченный доступ к его архиву. Скорее всего, это был Ларион Иванович Иванов, который в 1680 г. руководил Посольским приказом, выказал личный интерес к сообщению о старцах 1680 г. и даже потребовал составить специальную справку по данному вопросу [Там же].

Кроме перечисленных случаев можно отметить еще подметное письмо Посошкова (1700 г.): «Зделали почту… для полезнаго слышания вестописменных курантов, что в коей земле делаетца» [СлРЯ XI—XVII вв., VIII: 135; ЧОИДР 1888: 40]. Из приведенных примеров очевидно, что употребление слова *куранты* вне сферы деятельности органов государственного управления крайне ограничено.

Анализируя рукописную традицию, мы перешли ко второму периоду бытования слова *куранты* в русском языке. В первую очередь обратимся к формуляру заглавий «переводов с курантов». Если в 1660-х гг. во время становления системы подготовки регулярных обзоров иностранной прессы формуляры заглавий разных переводов значительно отличались, то в течение 1670-х гг. формуляр устоялся[30]. Отклонения от данного варианта могли быть лишь очень незначительными. В целом этот формуляр сохранил стабильность и в начале XVIII в., однако с 1690-х гг. вариативность заглавий постепенно возрастает. Появляются отдельные нетипичные заглавия «переводов с курантов», в которых используется слово *ведомости*: «В цесарских и галанских печатных курантах каковы присланы в государственной Посолской приказ чрез рижскую почту нынешняго 199 года мая в 4 день ведомости»[31]; «В цесарских и галанских печатных курантах с рижскою почтою мая в 18 день нынешного 199-го году ведомости»[32]. «Ведомости» в этих заголовках определяются как содержание «курантов».

С начала царствования Петра I кроме обзоров прессы в Посольском приказе стали делать краткие выписки из «переводов с курантов». Они значительно уступали по объему самим переводам. Данный тип документов выявила Е. И. Кобзарева [Кобзарева 1988]. При анализе формуляров хранящихся в одном деле выписок из «переводов с курантов» за конец марта — начало мая 1692 г. выяснилось, что ни в одном из девяти комплектов выписок формуляр не повторяется полностью: «Выписано из вестовых курантов, каковы присланы в рижской почте…»; «Выписано из курантов, каковы присланы чрез рижскую почту…»; «Выписано из цесарских и галан-

[30] К примеру, «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 189 м году мая в 2 день»; следует уточнить, что речь идет о подносных экземплярах, поскольку в заглавиях черновиков строгих норм не соблюдалось.

[31] Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 51. 1691 г. Очень ветхое, листы не нумерованы, условно 51 л.

[32] Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 56. 1691 г. Очень ветхое, листы не нумерованы, 63 л.

ских вестовых курантов, каковы присланы рижскою почтою…»; «Выписано из цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы с рижскою почтою…»; «Выписано ис посты рижской, какова пришла в нынешнем 200 м году…»; «Выписаны различные вести из цесарских и галанских курантов, каковы присланы с рижкою почтою…»; «Выписка вестям из курантов каковы присланы с рижскою почтою…»; «Выписка из вестовых цесарских и галанских курантов, что присланы с рижскою почтою…»; «Выписка из цесарских и галанских курантов, каковы присланы с рижскою почтою…». В двух из девяти приведенных вариантов видим указание на то, что из курантов выписаны «вести». Кроме того, во всех девяти заглавиях под «курантами» имеются в виду именно «переводы с курантов», поскольку для данных выписок в «переводах с курантов» просто отмечались статьи, которые нужно выписать[33]. «Выписки с курантов» также могли называться просто «курантами». 3 ноября 1698 г. Петр I писал к А. А. Виниусу из Воронежа: «Писмо твое, купно с курантоми, принел и за ведомость благодарствую» [Петр 1887: 269]. Между тем к царю в Воронеж посылали выписки из курантов. На одном из комплектов «переводов с курантов» 1698 г. имеется помета «207 г декабря в 7 день чтено, и о чом доведетца выписав послать к великому государю на Воронеж»[34].

Весьма разнообразны формуляры переводов, выполненных во время Великого посольства 1697—1698 гг.[35] Во многом это связано с тем, что значительная часть «переводов с курантов» из Великого посольства дошла до нас в черновиках. Но большое значение имело и постоянное изменение условий, в которых работали переводчики. В формулярах преобладает слово *куранты*, однако встречаются и определения «печатный диариуш», «печатный лист», «печатное письмо», «перевод с немецкого письма с галанских курантов», «перевод с галанского печатного меркуриуша» (слово *меркуриуш*, скорее всего, заимствовано из заглавия газеты), «вестовые печатные письма». Составлявшиеся в то же время в Москве в Посольском приказе «переводы с курантов», за небольшим исключением, имели стандартные формуляры[36]. Интересную информацию для изучаемой темы дают пометы на оборотах московских «переводов с курантов» времени Великого посольства. Эти пометы очень разнообразны. Изредка в них встречается слово *ведомости*: «… о сих ведомостях к великим и полномочным послом чрез почту писано», «… из сих ведомостей выписав что доведетца послать к великим и полномочным послом чрез почту», «… выписать что доведетца послать к великим и полномочным послом для ведома»[37]. Конечно, подобные пометы составляют абсолютное меньшинство, но они показывают,

[33] Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 60. 1692 г. Л. 1—20.

[34] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Ч. II. Л. 167 об.

[35] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12; Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 67. 1697 г.

[36] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13.

[37] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 483 об., 657 об., 693 об.

что слово *ведомость* хотя и не приобрело еще значения ‘газета’, но все чаще используется в связи с «переводами с курантов». В 1699 г. встречаем помету «… выписав, что надлежит к ведомости, послал чрез почту в Азов» [38]. В «переводах с курантов» 1700 г. после стандартного заголовка, где содержание документов характеризуется как перевод с печатных курантов, следует дополнительный подзаголовок, в котором сообщается, что дальше идет перевод с «письменных курантов», «письменных вестовых писем, присланных с курантами», «письменного немецкого (польского) листа (листов)». Среди таких подзаголовков мы дважды встречаем: «да в письменных ведомостях, присланных с теми ж курантами написано»[39].

С начала XVIII в. регулярные обзоры иностранной прессы для русского двора стали составляться не только в Москве, но и в Голландии. Там эту работу выполнял Андрей Артамонович Матвеев. К сожалению, его «переводы с курантов» сохранились лишь частично[40]. Эти переводы переписаны почерком самого Матвеева (или его писца). Для своих переводов Матвеев выработал особый формуляр, близкий к формулярам переводов Посольского приказа: «Перевод с печатных галанских повседневных курантов, каковы объявилися в Гаге по отпуске прошлой почты на сеи неделе сего маия от 22 го по 29 нынешняго 1702 году». В разных письмах этот формуляр варьировался лишь незначительно. Однако в двух случаях отличия оказались довольно значительными: «Перевод с повседневных галанских печатных газетов, каковы объявилися в Гаге по отпуске к Москве прошлой почты мимошедшаго июля с 31 го сего августа по 7 день нынешняго 1702 го году»; «Перевод с ведомости дневной из цесарского обозу на боевом месте писана при Луцаре августа от 14 го до 19 го чисел по новому стилю 1702 го году какова объявилася в Гаге напечатана на подтверждение цесарской победы над французы. Прислана из Италии к цесарскому посланнику графу Гусу по старому колендарю августа в 31 день нынешняго 1702 году»[41]. Таким образом, в одном комплекте документов 1702 г. вместе с традиционно употреблявшимся словом *куранты* оказались *газеты* и *ведомости*. Если слово *ведомости* использовано с целью разграничить «повседневные» «куранты» и «дневную», т. е. разовую, «печатную ведомость», то «повседневные галанские печатные газеты» полностью по своему значению дублировали «куранты». Данное упоминание слова *газета* в русском тексте является наиболее ранним из зафиксированных на сегодняшний момент[42]. Состав-

[38] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1699 г. Ед. хр. 11. Л. 238 об.

[39] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 47, 154.

[40] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1—72.

[41] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1, 40, 68.

[42] Параллельное употребление слов *куранты* и *газеты*, возможно, было нормой для проживающих в России иностранцев в тех случаях, когда они писали на своем родном языке. Так, Ф. Я. Лефорт в письме брату Амии от 6 декабря 1695 г. использует слово *Courante* (речь идет, вероятнее всего, о голландских газетах), а в

ляемые Матвеевым обзоры голландской прессы также могли называться курантами. В письме Ф. А. Головина к Петру I от 31 марта 1701 г. сообщается о том, что с заморской почтой из Амстердама от А. Матвеева пришли письма, которые Головин посылает к государю: «При том же, государь, посланы и куранты, присланные ко мне от Артемоновича» [Петр 1900: 1242].

Если обратиться к другим типам источников, то окажется, что к концу XVII в. слово *куранты* широко использовалось Петром I и его сподвижниками. За 1694—1700 гг. оно тринадцать раз упоминалось в переписке Петра с А. А. Виниусом, А. Бутенантом фон Розенбушем, Ф. Лефортом, Г. И. Головиным, Ф. Ю. Ромодановским, А. М. Головиным, Ф. А. Головиным, Г. Ф. Долгоруким [Петр 1887: 269, 498, 551, 562, 640, 653, 654, 655, 659, 750, 751, 826, 827, 839, 840]. Причем в письмах 1696 г. к Петру от Андрея Бутенанта фон Розенбуша дважды используется единственное число «курант»: «… а курант, в которое тои напечатено, у мене в бережение для свидетелство» [Там же: 551, 562]. Уже в начале XVIII в. такое словоупотребление становится нормой.

Слово *ведомость* постоянно встречается в этой переписке, но только в значении ‘известие’, а не как понятие, обозначающее конкретный тип документов: Письмо А. А. Виниуса к Петру I 10 сентября 1697 г. «а после того толко о шествии господ послов ведомость из курантов приемлем»; Письмо Петра I к А. А. Виниусу 3 ноября 1698 г. из Воронежа «Писмо твое, купно с курантоми, принел и за ведомость благодарствую» и другие [Там же: 269, 640, 659].

Таким образом, мы видим, что вплоть до самого конца XVII в. слово *ведомость* рядом с *курантами* обычно упоминается в значении ‘известие’, ‘новость’. Однако в 1690-х гг. слово *ведомость* все чаще употребляется в пометах на «переводах с курантов» или как элемент заглавия «переводов с курантов». Начиная с 1700 г., встречаем отдельные случаи использования определения «письменные ведомости» для материалов, обозначавшихся также как «письменные куранты», а с начала 1702 г. — и для непериодических информационных изданий.

О. Р. Кудаков в 2002 г. в своем исследовании о «Ведомостях» 1702—1727 гг. обратил внимание на то, что «в числе польских газет за 1700—1701 гг. фигурируют Wiadomości Różne Cudzoziemskie w Krakowie со знакомым словом „Ведомости“» [Кудаков 2002: 10]. Однако каких-либо конкретных выводов из этого наблюдения автор делать не стал. То же наблюдение сделала И. Майер, анализируя отложившиеся в РГАДА экземпляры газеты из Кракова [Майер (в печати)][43]. Однако установить, повлияло ли как-то название польской газеты на русское словоупотребление, на данном этапе исследования невозможно. В любом случае до царского указа 15 де-

---

послании от 25 сентября 1696 г. встречаем слово *gazettes*. Оно употреблено Лефортом в отношении французских газет [Лефорт 2006: 162, 196].

[43] Выражаем благодарность Ингрид Майер за любезно предоставленную возможность ознакомиться с текстом рукописи.

кабря 1702 г. примеров использования слова *ведомости* в значении ‘печатная газета’ не зафиксировано.

15 декабря 1702 г. Петр I издает указ, в соответствии с которым начинает выходить первая русская газета «Ведомости»: «1702 года декабря в 15 день Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России Самодержец указал по именному своему великаго Государя указу: куранты, по нашему ведомости, которые присылаются из разных государств и городов в Государственный Посольский и в иные приказы, из тех приказов присылать те ведомости в приказ книг печатнаго дела, а как те ведомости присланы будут и еще на печатном дворе печатать и те печатныя ведомости, что останется за подносом — продавать в мир по надлежащей цене. Дьяки Матвей Власов Великаго Государя указ сказали и в книгу приказал записать боярин И. А. Мусин-Пушкин» (воспроизводится по [Харлампович 1918: 1—18, 7]). В этом указе слово *куранты* объясняется как «ведомости». Следует ли считать данный факт доказательством того, что к моменту составления указа слова *куранты* и *ведомости* использовались в русском языке как синонимы? По нашему мнению, нет. Выше уже говорилось о том, что слово *куранты* бытовало в среде сотрудников Посольского приказа и дипломатов. Покидая Посольский приказ, оно заменялось русскими эквивалентами «вестовые письма» и др. В источнике прямо говорится, что указ 15 декабря «приказал записать» руководивший Монастырским приказом и подчиненной этому приказу типографией Иван Алексеевич Мусин-Пушкин. В таком контексте фразу «куранты, по нашему ведомости» следует рассматривать как попытку традиционной замены слова *куранты*. Можно, конечно, предположить, что в указе использован модный в то время «лексический дублет», когда «культурное», европейское слово пояснялось русским синонимом. Однако этому предположению противоречат сделанные ранее наблюдения о различном использовании слов *куранты* и *ведомости* в XVII веке.

О том, что традиционное разграничение использования слов *куранты* и *ведомости* сохранялось и после 15 декабря 1702 г., свидетельствует новый указ, вышедший 16 декабря. В нем уточнялся порядок передачи материалов для публикации из одного органа государственного управления в другой (по новому указу, известия для газеты должны были собираться в Монастырском приказе и лишь оттуда направляться на Печатный двор). Здесь слово *ведомости* использовано в традиционном значении ‘новости’, ‘известия’, а *куранты* — как синоним слова *газета* применительно к создаваемой русской газете. Указ гласил: «Великий Государь указал: по ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявления Московскаго и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, в которых приказах, о чем ныне какия есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ, без мотчания, а из Монастырскаго приказа те ведомости отсылать на печатной двор. И о том во все приказы из Монастырскаго приказа послать памяти» [ПСЗ-I: 4, 201].

Решающее значение для изменения языковой ситуации имел тот факт, что в соответствии с царским указом слово *ведомости* появилось в заглавии первой русской газеты. Именно это способствовало началу его использования в качестве синонима слова *куранты*, а позднее — и *газеты*. Как начался процесс вытеснения слова *куранты*, хорошо видно на примере рукописных оригиналов печатных «Ведомостей» из архива Синодальной типографии. Прежде всего, обратимся к формулярам заглавий. В заголовке присланных из Посольского приказа в типографию материалов читаем: «Перевод с немецких печатных курантов, каковы присланы в Государственнои посолской приказ чрез Киевскую почту в нынешнем 1702 м году декабря в 14 день». Типографские редакторы правят текст, в результате чего название приобретает следующий вид: «Ведомости с немецких писем, каковы присланы в Государственнои посолской приказ чрез Киевскую почту в нынешнем 1702 м году декабря в 14 день»[44]. Любопытно, что редактор вместо отвергнутого слова *куранты* вставил слово *письма*, что вполне соответствует практике XVII столетия, когда слово *куранты*, покидая Посольский приказ, заменялось на *листы* или *письма*. Однако на самом деле ситуация меняется очень значительно. Получившийся в результате сокращения заголовок выдвинул русское слово *ведомости* на передний план.

Появление газеты, называвшейся «Ведомости», еще не означало автоматического начала использования ее заголовка в значении ‘газета’. За тем, как шла борьба между старыми и новыми нормами словоупотребления, можно проследить по пометам на документах из архива Синодальной типографии. В документах 1702—1703 гг. имеется 14 помет, в которых упоминаются рассматриваемые материалы[45]. Авторами этих помет были начальник типографии Федор Поликарпов, подьячие Посольского приказа Филимон Фомин, Авраам Иванов, Василий Михаилов, Семен Смирнов, Василей Парфеньев, Алексей Березин, приставы Андрей Башмаков и Гаврило Свежинский. Ни один из подьячих Посольского приказа не использовал слова *ведомости*. По одному разу это слово использовано начальником типографии Федором Поликарповым (7 февраля 1703. — Помета красными чернилами: «с сего переводу делана 1000 ведомость»[46]), а также приставами Андреем Башмаковым (16 июля 1703. — «… Посолского приказу пристав Андреи Башмаков подал ведомости в приказ книгопечатного двора»[47]) и Гаврилой Свежинским (8 августа 1703. — «… Посолского приказа пристав Гаврило Свежинскои принес ведомость. Новых три ведомости взял и росписался»[48]). При этом Поликарпов и Свежинский использовали параллельно и слово *куранты*, а имя Башмакова упоминается только один раз. Из приведенных

[44] РГАДА. Ф. 381. Д. 953. Л. 7.

[45] РГАДА. Ф. 381. Д. 953, 954.

[46] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 41.

[47] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 259.

[48] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 292.

контекстов очевидно, что слово *ведомости* использовалось как для «переводов с курантов», присланных из Посольского приказа, так и для печатных русских газет. Можно предположить, что использовалось оно, по крайней мере в первый год после начала выхода первой русской газеты, теми людьми, в словарном запасе которых отсутствовало слово *куранты*. Само же слово *куранты* применялось как для обозначения присылаемых из Посольского приказа «переводов с курантов», так и в тех случаях, когда речь шла о «Ведомостях»: «Государственного посолского приказу подьячеи Василеи Парфеньев на печатнои двор принес куранты Федору Поликарпову отдал»; «Сентября в 30 день подал Посолского приказу пристав Гаврило Свежинскои и три куранта взял»[49]. В документах Синодальной типографии слово *куранты* встречается как во множественном, так и в единственном числе. Со временем слово *ведомости* начинает использоваться все шире, но все же до самого 1727 г., когда обрываются материалы, отложившиеся в архиве Синодальной типографии, наименование «куранты» встречается в документах [Погорелов 1903]. С 1720 г. переводчик Б. Волков начинает использовать также и слово *газета*, причем в его записках оно употребляется не только в современном значении, но и в отношении рукописных оригиналов. Так, он пишет заведующему типографией: «Не извольте досадовать, что не присылаем к вам газеты регулярно после пришедших почт» [Там же: 48]. В данном случае речь идет именно о рукописных текстах, поскольку они, а не сами иностранные газеты передавались в типографию Волковым.

Теперь рассмотрим вопрос о том, какой терминологией пользовались при переписке Петр I и его сподвижники. К настоящему времени издание «Письма и бумаги Петра Великого» доведено до 1713 г. Оно четко показывает, какие изменения произошли в словоупотреблении правящей элиты России за десять лет, прошедшие после начала выхода «Ведомостей». В первую очередь надо отметить, что слово *куранты* на протяжении всего этого времени продолжало активно использоваться в данной среде для обозначения русских и иностранных газет. Русская газета «Ведомости» упоминалась в переписке царя с приближенными двенадцать раз в 1706, 1708, 1709 и 1711 гг. Во всех случаях вышедшие в Москве и Петербурге газеты названы «курантами» [Петр 1900: 1140, 1211; 1950: 95; 1951: 937, 938, 755; 1952: 721; 1962: 540, 459; 1964: 53, 101]. Слово *ведомости* в значении ‘газета’ мы встречаем в письме русского посланника в Вене Урбиха к Г. И. Головкину 12 октября 1709 г.: «Печатник ведомостей в Бриселе написал недавно во оных о мне…» [Петр 1952: 1311] и, возможно, в послании Петра к П. П. Шафирову 25 августа 1711 г. о военных действиях королей Польского и Датского против Швеции: «О чем обо фсем из ведомостей здешних прилагаем экъстракт, також и питербурския куранты о чюдном уходе господина Долгорукова» [Петр 1964: 101] (данный контекст может подразумевать как газеты, так и другие документы с вестями). Оба этих

[49] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 335, 343.

случая связаны не с русскими, а с иностранными газетами. Слово *газета* встречается с 1710 г. по 1713 г. девять раз [Петр 1956: 510, 765; 1962: 354, 509; 1992: 258, 356; 2003: 285, 363, 494], причем во всех случаях речь идет об иностранных газетах. Им пользовались Г. И. Головкин, В. В. Долгорукий, Б. И. Куракин, А. А. Матвеев, Ю. Ю. Трубецкой, в то время как слово *куранты* встречаем у Петра I, Я. В. Брюса, А. Бутенанта фон Розенбуша, А. А. Виниуса, А. М. Головина, Ф. А. Головина, Г. И. Головкина, В. Л. Долгорукого, Г. Ф. Долгорукого, Ф. Лефорта, А. В. Маркова, А. Д. Меншикова, И. А. Мусина-Пушкина, Ф. Ю. Ромодановского, И. Урбиха, П. П. Шафирова [Петр 1887: 269, 498, 551, 562, 640, 653, 654, 655, 659, 750, 751, 826, 827, 839, 840; 1900: 1137, 1140; 1951: 751, 9374; 1952: 1311; 1962: 374, 459].

Очень показательны те письма, в которых слово *ведомости* используется вместе с наименованиями *куранты* и *газеты*. Всего отмечено тринадцать подобных примеров. Во всех этих случаях слово *ведомости* выступает в значении ‘вести’, ‘известия’: «Чаю, что и вашему величеству известно, что как в курантах так и особливых грамотках ведомости сие получены, что король Свеиской сам с великим войском чрез Вислу перешел на сю сторону» (1705 письмо фельдмаршала барона Огильви к Петру I) [Петр 1893: 932]. Точно такое же соотношение слов мы встречаем в 1725 г. в именном указе императрицы Екатерины I: «8 апреля 1725. Именной, объявлен из Сената. В прошедших летах, когда здравствовал высокославной и вечнодостойной памяти его императорское Величество, а именно: перед походом Персидским, в Правительствующий Сенат из Кабинета предложено было, дабы о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному, публичныя, кроме секретных ведомостей, сообщали в типографию для печатания в курантах из всех коллегий и Канцелярий: и по тому тогда и сообщали из многих мест, а ныне то сообщение, неведомо для чего, опущено; того для Ея Величество Государыня императрица указала, дабы помянутыя ведомости по-прежнему сообщались в типографию для печати в народное ведение» [ПСЗ-I: 7, 445].

Ситуация любопытным образом меняется в 1728 г., когда был дан сенатский указ: «Понеже в прошедшем в 1725 году апреля 8 дня, в предложении в правительствующий Сенат что ныне Тайной Советник, Алексея Макарова объявлено, блаженныя и вечнодостойныя памяти, Ея Императорское величество указала, о всех знатных публичных делах, принадлежащих к ведению народному, кроме секретных, для печатания в народное ведение в куранты, изо всех Коллегий и Канцелярий сообщить в типографию ведомости; и по тому предложению в Сенате определения не учинено. А ныне в доношении в Сенат из Академии наук объявлено: что при Академической типографии печатаются газеты на Латынском, на Немецком и на Россииском диалектах, с иностранных газетов, и чтоб повелено было из Коллегий и Канцелярий и Контор всякия ведомости к печатанию тех газетов присылать в оную Академию. Того ради Высокий Сенат приказали: по силе вышеобъявленнаго, блаженныя и вечнодостойныя памяти, Ея Императорское величества указу, как из Сената, так и из Штатских Коллегий и

канцелярий и Контор о принадлежащих к ведению народному публичных делах, кроме секретных и не подлежащих к народному известию, ведомости для печатания в газеты посылать в Академию Наук; и о том в коллегии и канцелярии послать указы» [ПСЗ-I: 8, 36]. В этом указе слово *ведомости* вновь используется в значении ‘вести’, ‘известия’. Принципиально новым является тот факт, что слово *куранты* используется только при цитировании указа 1725 г. Во второй части указа его сменяет слово *газета*. Ни в одном из более поздних указов слово *куранты* не встречается. Дольше всего оно сохранялось в документах Коллегии иностранных дел. В заглавиях известных на сегодняшний день обзоров иностранной прессы оно последний раз фиксируется в 1731 г.[50] Таким образом, слово *куранты* в русском языке не переживает начала 1730-х гг. К концу XVIII в. оно было прочно забыто. В 1791 г. историк И. И. Голиков включил в Дополнения к деяниям Петра Великого сообщение о том, что «Великий государь желал, да подданные его между другими доставленными им сведениями узнают все происходимое в известном свете, и также всяким товарам, из разных государств привозимым, цены, не только по чему оные в России продаются, но и на местах, где оныя делаются, и для того повелел издавать печатныя газеты и курантныя о товарах ведомости». На полях «курантныя о товарах ведомости» комментировались как «ведомости о ценах товаров печатныя» [Голиков 1791: 344, 345]. Очевидно, что Голиков, употреблявший только слова *газеты* и *ведомости*, столкнулся в документах с известием о том, что Петр велел издавать «куранты» и попытался как-то объяснить это слово.

Прежде чем подвести итоги данного исследования, необходимо кратко коснуться вопроса о том, как употреблялось в русском языке конца XVII — начала XVIII в. слово *авизы*. Несколько примеров использования данного слова указано в Словаре русского языка XVIII в. [СлРЯ XVIII в., I: 16—17]. К сожалению, приведенные в словарной статье примеры не очень удачны. Они не позволяют сделать однозначных выводов о том, какого рода материалы имели в виду авторы текстов. Самих же документов, о которых идет речь, не сохранилось.

Рассмотрим несколько документов, на основании которых с высокой степенью уверенности можно делать выводы о значении слова *авизы* в данную эпоху. 16 октября 1697 г. участники путешествовавшего по Европе Великого посольства получили из Вены письмо от австрийца, переводчика Адама Стиля, в котором тот сообщал, что французский претендент на польский трон Де Конти высадился с войсками под Гданьском, а французский король подкупает шведов, чтобы они напали на польского короля с севера, а с востока «привести тщится» татар и турок. В подтверждение своего сообщения Стиль прислал своим российским коллегам «вестовые куранты». 26 октября по старому стилю, т. е. на следующий день после получения письма из Вены, участник посольства Франц Лефорт писал «свей-

[50] АВПР. Ф. 11. Оп. 11/4. Ед. хр. 6.

скому ближнему человеку» Бенкту Оксенстерну о «польском деле». Русский дипломат предупреждал своего шведского коллегу, что «французские вредительства» «не к добру всему христианству». Причину своего беспокойства Лефорт объяснял так: «… так и ныне зло сумневают меня от многих стран заходящие ведомости, а имянно уже и на весь свет авизы печатные гласят, что посол французской граф Деафо всякими мерами трудится, дабы двор королевского величества свейского на Деконтиеву сторону привесть» [ПДС 1867: 1058, 1059, 1068, 1069]. В этом документе определение «печатные авизы» использовано в отношении тех самых документов, которые ранее именовались «курантами». В 1703 г. купец Адам Брант писал из Любека в письме к Петру I (30 декабря 1703): «Аще бы ведал яко ваше царское величество изволяешь о том победы свои против шведов в курантах напечатать, то бы я всегда велел постановить во авизах. А без вашего царского величества милостивого изволения яко учинить не посмел…»[51]. Здесь слова *куранты* и *авизы* использованы как синонимы. В противном случае предложение публиковать известия в «авизах» в ответ на указание царя печатать их в «курантах», было бы прямым нарушением царской воли.

Дважды слово *авизы* использовано для обозначения печатных «Ведомостей». Один раз его употребил переводчик Борис Волков, и один раз оно встречается в отчете о расходах Монастырского приказа: «И оные данные в помощь той типографии деньги употреблены в расход на печатание вновь тщанием Его Величества изобретенного дела авиз…» [Балицкий 1908: 31; Горчаков 1868: 185]. Использовали его и в 1730-х гг., когда слово *куранты* уже не употреблялось. Это хорошо видно по материалам следственного «дела» 1735 г. по поводу распространения слухов о скором конце света среди армейских чинов на Украине и юге России. В «деле» листок с переводом статьи о пророчествах назывался то «газетом», то «авизией» [Покровский 1987: 290—297].

Таким образом, во всех случаях, когда мы однозначно можем установить значение слова *авизы* (*адвизы*, *авизии*), оно оказывается синонимично слову *куранты*, а позднее — *газеты*. Слово *авизы* получило в русском языке очень незначительное распространение. В «Письмах и бумагах Петра Великого» оно упоминается всего три раза — в письмах П. А. Толстого (1708) и В. Н. Зотова (1713) [Петр 1912: 506; 2003: 403, 419]. По самым приблизительным подсчетам оно по частоте употребления уступает слову *куранты* примерно в сто раз. Использование его во многих случаях так или иначе связано с Украиной, славянскими землями южной и центральной Европы и государствами Средиземноморского региона.

Подведем итоги нашего исследования. Оно показало, что до появления в русском языке специального слова со значением ‘газета’ материалы данного типа обозначались описательно. Их называли «листами», «тетрадями», «письмами», уточняя при этом, что речь идет о «печатных», «весто-

[51] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1703 г. Ед. хр. 8. Л. 13.

вых» документах. Такое описательное наименование газет встречается на протяжении всего исследуемого периода. К середине XVII столетия в дипломатической среде возникла потребность в специальном термине, который заменил бы громоздкое описание. Этим термином стало заимствованное из голландского языка слово *куранты*. Впервые оно встречается в 1649 г. Регулярное использование нового наименования газет относится уже ко второй половине 1650-х гг. Долгое время курантами называли только иностранные газеты и использовали это слово в основном в заглавиях газетных переводов. Только в 1670-х гг. новое слово начинает активно использоваться в приказном делопроизводстве и дипломатических документах. Оно оставалось узкопрофессиональным и не распространилось вне круга общения дипломатов и служащих Посольского приказа. Уже в 1660-х гг. у слова *куранты* появился синоним — *авизы* (так же, как и *куранты*, заимствованный). Слово *авизы* использовалось в той же среде, что и *куранты*, причем крайне редко. Третий заимствованный синоним — *газеты* — первый раз фиксируется в 1702 г. В том же 1702 г. впервые отмечено использование слова *ведомости* в значении ‘печатная газета’. Закреплению в языке этого, четвертого по счету, синонима со значением ‘газета’ способствовало издание первой русской газеты «Ведомости». Если слово *газета* быстрее распространялось среди дипломатов и высших сановников, то *ведомости* — в более демократичной среде. В начале 1730-х гг. слово *куранты* выходит из употребления, а слово *ведомость* в значении ‘газета’ наряду с самим словом *газета* появляется и в обиходе профессиональных дипломатов, правда, в основном в виде словосочетания «публичная ведомость» или с конкретизирующим уточнением — «Утрехтская ведомость» [Кантемир 1892: 5, 6, 20, 42, 51, 52, 55, 56, 155, 156]. Дополнительные определения позволяли сохранить точность дипломатических документов.

Уже к концу 1660-х гг. слово *куранты* приобрело в русском языке второе значение — ‘переводы с курантов’, т. е. ‘переводы с иностранных газет’. Одни и те же документы могли называться и «курантами», и «переводами с курантов». Особая сложность состоит в том, что названные переводами документы очень часто были, строго говоря, не переводами, а компиляциями. Кроме того, в столпы с «переводами с курантов», т. е. переводами иностранных газет, входило и небольшое число других «вестовых» материалов, в основном непериодических информационных изданий, памфлетов, писем почтмейстеров и т. д. Такие столпы представляли собой единые комплексы документов, докладываемых царю и боярам на заседании Думы, и назывались эти столбцы также *курантами*. При этом основная масса получаемых в Посольском приказе «негазетных» вестовых материалов переводилась и хранилась отдельно от собственно «курантов».

Даже те *куранты*, которые имеют заглавие «переводы с курантов», не представляют собой чего-то однородного. Если в 1670—1680-х гг. «переводами с курантов» назывались столпы с обзорами иностранной прессы, которые зачитывались на заседании Думы, то в начале 1690-х гг. из-за уве-

личения объема переводимой информации они разделились на два новых типа документов — объемные первоначальные «переводы» для специальных дипломатических нужд и «выписки» для оперативного информирования правительства. С 1700 г., когда начало Северной войны прервало регулярную доставку иностранных газет в Москву, «переводы с курантов» стали скорее напоминать прежние «выписки». Теперь они приобрели форму тетрадок, которые вскоре начинают публиковаться в виде газеты «Ведомости» (с небольшими дополнениями и сокращениями). К этому времени они теряют значение источника оперативной внешнеполитической информации, которое имели прежде. От 1724—1731 гг. имеются уже совершенно новые «выписки с курантов» — весьма значительные по объему документы, ориентированные уже не столько на сбор внешнеполитической информации, сколько на наблюдение за европейской прессой. В этих «выписках» точно фиксируется каждый конкретный источник информации. На ложные (негативные) публикации составляются опровержения[52]. Не следует забывать, что кроме «переводов с курантов» обзорного характера (компиляций из прессы вообще) находящиеся за границей русские дипломаты могли составлять и переводы отдельных статей, как это имело место во время посольства К. Н. Нефимова в 1696 г. в Вену [ПДС 1864: 1195—1201], или обзоры местных газет, как во время Великого посольства и в годы пребывания в Голландии А. А. Матвеева. Отдельные переводы иностранной прессы и после начала регулярного составления «переводов с курантов» могли попадать в Россию по разным каналам в качестве «писем», т. е. без слова *куранты* в заглавии[53].

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемый исторический период значение слова *куранты* было довольно размытым, не охватывало все переводы иностранной прессы и на протяжении XVII—XVIII столетий постепенно менялось. Кроме того, параллельно с ним использовались и другие идентичные по значению слова: *авизы*, *газеты*, *ведомости* и описательные наименования типа *вестовые печатные листы*. Все это позволяет сделать вывод, что прямое заимствование термина «куранты» для нужд современной науки невозможно.

Литература

Балицкий 1868 — Г. Б. Балицкий. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908.

Белокуров 1903 — С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903

[52] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 97. 1728 г.; АВПР Ф. 11. Оп. 11/1. 1724 г. Ед. хр. 54; Оп. 11/4. Ед. хр. 6. Переводы и выписки из курантов первой трети XVIII в. на сегодняшний день изучены крайне слабо. Выводы о характере данного источника носят предварительный характер.

[53] Ф. 155. Оп. 1. 1674 г. Ед. хр. 8.

Белокуров 1906 — С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906.

Беляков 2001 — А. В. Беляков. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Дис. … канд. ист. наук. М., 2001. Приложение. Список служащих Посольского приказа 1645—1682 гг.

Бобров 1999 — А. Г. Бобров. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 463—476.

БСЭ 1973 — Большая советская энциклопедия. М., 1973.

Вести-Куранты 1972 — Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

Вести-Куранты 1976 — Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

Вести-Куранты 1980 — Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

Вести-Куранты 1983 — Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.

Вести-Куранты 1996 — Вести-Куранты. 1651—1652, 1654—1656, 1658—1660 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов; Под ред. В. П. Вомперского. М., 1996.

Голиков 1791 — И. И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великаго. Т. 5 (17). М., 1791.

Горчаков 1868 — М. Горчаков. Монастырский приказ. СПб., 1868.

Гурлянд 1902 — И. Я. Гурлянд. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

Гурлянд 1903 — И. Я. Гурлянд. Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903.

ИРЖ 2003 — История русской журналистики XVIII—XIX веков. СПб., 2003.

Каган 1958 — М. Д. Каган. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 225—250.

Каган 1958а — М. Д. Каган. Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 309—315.

Каган 1993 — М. Д. Каган. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. (Статьи указаны в тексте.)

Кантемир 1892 — Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733). Т. 1. М., 1892.

Кобзарева 1988 — Е. И. Кобзарева. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. … канд. ист. наук. М., 1988.

Козловский 1913 — И. П. Козловский. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2 т. Т. 2. Варшава, 1913.

Крестьянская война 1962 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. В 3 т. Т. 3. М., 1962.

Кудаков 2002 — О. Р. Кудаков. Первопечатные «Ведомости» (1702—1727): К истории отечественной прессы. Казань, 2002.

Кудрявцев 1963 — И. М. Кудрявцев. «Издательская деятельность» Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во втор. пол. XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 179—244.

Лавров 2000 — А. С. Лавров. Колдовство и Религия в России 1700—1740 гг. М., 2000.

Лефорт 2006 — Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006.

Майер (в печати) — И. Майер. Вести-Куранты 1660—1662, 1664—1670 гг. Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. (в печати).

Малэк 2004 — Э. Малэк. Вновь обнаруженный список юмористических курантов (к истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 427—429.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Морозов 1980 — Б. Н. Морозов. Архив торговых крестьян Шангиных // СА. 1980. № 2. С. 57—61.

Ольшевская, Травников 2000 — Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. Куранты // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 220, 221.

Опись 1977 — Опись архива Посольского приказа 1626 г. / В. И. Гальцов. Ч. 1. М., 1977.

Опись 1990 — Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. М., 1990.

ПДС 1864 — Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. 7. СПб., 1864.

ПДС 1867 — Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867.

Петр 1887 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.

Петр 1893 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. СПб., 1893.

Петр 1900 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4. СПб., 1900.

Петр 1912 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912.

Петр 1951 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. М., 1951.

Петр 1950 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М., 1950.

Петр 1952 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М., 1952.

Петр 1956 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 10. М., 1956.

Петр 1962 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1962.

Петр 1964 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11. Вып. 2. М., 1964.

Петр 1992 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. М., 1992.

Петр 2003 — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 2. М., 2003.

Погорелов 1903 — В. А. Погорелов. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702—1727. М., 1903.

Покровский 1906 — А. Покровский. К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. С. 1—37.

Покровский 1987 — Н. Н. Покровский. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290—296.

Попов 1869 — А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869.

ПСЗ-I. — Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 2, 4, 7, 8. СПб., 1830.

РИБ 1907 — Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографическою коммисиею. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1. СПб., 1907.

Сапунов 1976 — Б. В. Сапунов. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. (Вести-Куранты) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 200—205.

Сахаров 1964 — А. Л. Сахаров. О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1964. № 148. С. 396—418.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М., 1981.

СлРЯ XVIII в. I—XI — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—11—. Л./СПб., 1984—2000—.

Соболев 1957 — В. П. Соболев. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики XVIII века. М., 1957.

Соболевский 1903 — А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.

Соловьев 1991 — С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 11. М., 1991.

Турилов 1993 — А. А. Турилов. Легендарное донесение из Белграда // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 226—227.

Уо 2003 — Д. Уо. История одной книги. СПб., 2003.

Харлампович 1918 — К. В. Харлампович. «Ведомости Московского государства» 1702 года // ИОРЯС. Т. 23. Кн. 1. Пг., 1918.

Хаустова 1956 — И. С. Хаустова. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII века // Учен. зап. ЛГУ. Т. 198. Вып. 24. Л., 1956. С. 51—95.

ЧОИДР 1887 — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887 г. Кн. 3.

ЧОИДР 1888 — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1888. Кн. 2. Отд. 2.

Шамин 2002 — С. М. Шамин. В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // ВИ. 2002. № 6. С. 134—138.

Шамин 2003 — С. М. Шамин. Переводы из европейских летучих листков и газет XVII столетия в собрании НИОР РГБ // Румянцевские чтения — 2003. Культура: от информации к знанию: Тез. и сообщ. М., 2003. С. 274—277.

Bogel, Blühm 1985 — E. Bogel, E. Blühm. Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandsverzeichnis mit historischen und bibliographischen Angaben. 3. Bd., Nachtrag / Bearb. von Elger Blühm, Brigitte Kolster, Helga Levin. Bremen, 1985.

Maier 2003 — I. Maier. Die Übersetzungen westeuropäischer Zeitungen am Moskauer Gesandtschaftsamt von 1660 bis 1670: Zur ersten Ausgabe der Vesti-Kuranty mit Paralleltexten // Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15—21 August 2003. Lund, 2003. P. 51—74. (Slavica Lundensia, Supplementa 2).

Maier, Pilger 2001 — I. Maier, W. Pilger. Second-hand translation for tsar Aleksej Mixajlovic — a glimpse into the «newspaper workshop» at *Posol'skij prikaz* (1648) // Russion Linguistics. Vol. 25. 2001. P. 209—242.

Waugh 1972 — D. C. Waugh. Seventeen–Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting: Ph. D. dis. Cambridge (Mass.): Harvard Univ., 1972.

Waugh 1973 — D. C. Waugh. The Publication of Muscovite Kuranty // Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History. IX, 3. 1973. P. 104—120.

Waugh 1978 — D. C. Waugh. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.